

О чем твоя дума, мужик в пиджаке?

МОНУМЕНТЫ И МЫ

Знатки изящных искусств уверяют, что к нормальному памятнику (а не заросшему кустами, облупленному, всеми забытому гипсовому изваянию) прохожего должно притягивать как магнитом. В правоте этих слов довелось убедиться одним воскресным вечером на ярославской волжской Стрелке.

МЕДНЫЙ ГРОШ ДЛЯ АНГЕЛА

Гуляла компания подростков, и вдруг все дружно завернули к скульптуре «Святая Троица». Как завсегдатаи тира, похотевшие занять боевые позиции перед постаментом, с ходу занялись игрой в «загадай желание». Весело звенели мелочью, на меткость бросали пятики и гривенники в каменную «чашу для вина».

Вряд ли их непритязательное ноу-хау отвечает смыслу высокого библейского символа. Но кто после этого, глядя на усыпанное мелкой монетой подножие «Святой Троицы», рискнет сказать, что горожане свои памятники в упор не видят?

Это у нас должностные лица, сколько им ни напоминай, все забывают вернуть перегоревшую лет десять назад лампочку под обелиском «с журавликами» мемориала жертвам радиационных аварий и катастроф на улице Угличской. А простой народ, особенно молодые, с мемориалами и монументами дружит, ну право слово, играючи.

КОГДА ВОЖДЬ ТЕРЯЕТ ГОЛОВУ

Только бы не заигрывались. Было дело, красноперекопские пацаны тоже соревновались в

Фото Анны СОЛОВЬЕВОЙ

меткости. Мишенью выбрали они для своей уродской забавы памятник Ленину в Рабочем саду – любимом месте отдыха жителей поселка Текстилей. Целились все больше в голову. Во что превратили несчастный памятник, описывать сызнова не будем. В конце концов стараниями доморожденных снайперов вождь вообще остался без головы.

Так и стоял, пока районные чиновники раздумывали, отремонтировать скульптуру или лучше ее вообще убрать, разбить на ее месте клумбу. Так потом и сде-

лали... С тех пор в семьях обидчиков вождя и их соседей подростки младшие братья и племянники. Меткость предпочитают они тренировать не таким варварским способом – кто в зале игровых автоматов, кто дома или в школе на компьютере.

Во всяком случае бронзовый Ильич неподалеку от Рабочего сада на улице Стачек и обелиск памяти солдат Великой Отечественной за спиной у него в безымянном сквере пребывают в целостности и сохранности.

Но белый торец обелиска исписан жирным черным фло-

мастером. Кавалер не нашел более подходящего способа передать «записку» подружке. За углом на постаменте памятника на улице Стачек – следы размашистого граффити в стиле бритоголовых. Кто-то сердобольный пытался стереть. Потерли, поскребли – не оттирается.

Напрасный труд читать отморозку нотаии. Да и к чему отбирать хлеб у родителей и учителей. Им-то напомним: бронзовым кумирам показывать кукиш себе дороже, а тем более кулаком грозить: «ужо тебе!..», как бедняга-герой «Медного всад-

ника». Монументы, как мы знаем, имеют неприятное свойство спускаться с пьедестала на мостовую. О том Поэт давным-давно впрок предупредил всех нас.

Высокой беллетристикой с «тяжелозвонким скаканьем», впрочем, проймешь не всякого. Но никому не пожелаем увидеть сон в стиле мрачного фэнтези.

ГОВОРIT МАКСИМУ АЛЕКСЕЙ: О'КЕЙ

В тот же день в тайной надежде хоть как-то скрасить суровые впечатления от памят-

ных мест рабочей окраины, устроили мы блицопрос в самом центре города – у входа в главный корпус госуниверситета возле памятника воспитаннику наших гимназии и лицея поэту Максиму Богдановичу. Вопросы были в легком, даже светском духе – исключительно для скорейшего выяснения, дружат ли гуманитарии с бронзовым белорусским классиком.

Десятка совершенно случайных собеседников состояла из шестерых студентов физфака разных курсов и специальностей, одного лаборанта, одного преподавателя, рабочей печатного участка и сотрудника фирмы, арендующей в главном корпусе офис. Вот что от них удалось нам узнать. Сергей, идя на лекции, мысленно говорит поэту: привет. Алексей, если все очень хорошо, по пути с занятий оповещает Максима: о'кей! Юлия любит назначать «у Богдановича» деловые встречи.

Стихов его не читал никто из наших интервьюеров, но – «слышали о них». Для всей десятки стало новостью, что памятник был подарен Ярославлю белорусами и что автор его – маститый ваятель из Минска Сергей Вакар. Репутацию десятки и тех коллег, и однокашников, кого ей волею случая довелось представлять, разом поправила Елена, та самая рабочая печатного участка.

– Все же Максим здесь не гость, а парень свой, – сказала она. – Студенты ухаживают за памятником, сметают снег, стирают грязь, счищают голубиный помет. Недавно видела, как укрепляли раствором облицовку постамента.

Что поделать, не повстречался нам за три четверти часа никто из любителей поэзии. Но одно то, что ухаживают, согласитесь, дорогого стоит. Это вам не инфантильная игра в монетку со «Святой Троицей».

(Окончание на 2-й стр.)

О чем твоя дума, мужик в пиджаке?

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

ДЖЕНТЛЬМЕН УДАЧИ ЗНАЕТ, О ЧЕМ ГОВОРИТ

Еще и потому язык не повернется в чем-то упрекнуть студиозов, что и у старожилов города с монументами, можно сказать, «шапочное знакомство». Хвастаться тут, само собой, нечем. Но отчасти себе в оправдание вспомним: идеи в бронзе и камне всегда спускали провинции сверху, и приключалось такое еще реже, чем визиты в Ярославль высшей госпартноменклатуры.

Герои советских памятников так и остались для нас официальными лицами — одетые будто к празднику вожди, полководцы, властители дум. На высоченных постаментах позируют они, вытянувшись в струнку, или — указуют путь. Таков у нас Владимир Ильич Ленин, старожил Красной площади с довоенных времен. Судя по нацеленному взмаху руки, вождю и поныне лучше всех известно, в какой стороне находится тот земной рай, куда надлежит шагать русскому народу.

То, что сам народ думает про всю эту кондовую казенщину, в самую точку высказал один из персонажей комедии Рязанова «Джентльмены удачи». Помните, когда назначал встречу — у «мужика в пиджаке»? Как потом выяснилось, тем «мужиком» оказался Лермонтов.

Много копий сломали, прежде чем — в новые уже времена, при Ельцине — на Богоявленской площади появился памятник легендарному основателю первой крепости на Волге князю Ярославу Мудрому, работы москвича Олега Комова. Первый вариант — по легенде о поединке со священным зверем язычников юного ростовского удельного князя Ярослава — тому же Комову завернули сами заказчики. Большинство голосов отвергли сюжет как «негуманный». Долго искали подходящее место. Главный архитектор города Аркадий Бобович вспоминает давнюю эпопею без лишних слов: «Намучались тогда».

Не сказать, что в утвержденном варианте державный образ политика, дипломата и просветителя с потолка снят. Комов взял за основу древнюю портретную фреску с изображением великого князя Ярослава в одном из киевских храмов. Все-таки положила руку на сердце признаем: герой монумента, при всех исторических заслугах его прототипа, любимцем горожан так и не стал.

Сами они, по аналогии с «Джентльменами удачи», не преминули выразить это, впрочем, вполне благопристойно звучащим крылатым выражением «мужик с тортом». Зело милосерден у нас народ. С тортом все же, не с кирпичом!

ЧТО В ТОЙ КОПИЛКЕ ЗВЕНИТ

Вспомнили мы отца-основателя неспроста. «Помучиться» наверняка еще придется, и не раз, определяясь с монументами, стелами, обелисками, ландшафтными композициями к 1000-летию города. Отдельной программы по скульптуре нет, но конкурс на памятник в честь самой даты, конечно, объявлен.

Он открытый, положение о нем — на сайте мэрии. Как сообщил главный архитектор, с которым мы проблему подробно обсуждали, до конца конкурса осталось «чуть больше полугода».

Предусмотрено два этапа, на тот случай, если единого мнения не возникнет с первого захода. С учетом собственного печального опыта привязку проектов к месту теперь доверили самим конкурсантам. Благо, старый город у нас словно создан для скульптуры (только площадей в центре 14). Он хоть и просторный — а тихий, теплый, несуетный. Разудалое «знай наших» тут вряд ли пройдет.

Все решат неподвластные влияниям чутье мастера, оценки профессионалов в жюри. Но и от гласа народного мы ведь никуда не денемся. В копилке инициатив уже кое-что звенит. Одним из первых озадачил специалистов автор проектного эскиза монумента «знаменитым ярославцам». Композиция в плане видится ему воинским Георгиевским крестом во всю площадь. Предлагает в бюстах, рельефах и просто именами на обелиске восславить накругло шесть десятков самых достойных, со времен основания города, персон.

Хитрую задал задачку. Кто рассудит: кому — бюст на пьедестале, кому — рельеф, а кому — всего только строчка с именем собственным? Как разделить почести, чтобы по высшей справедливости будет, что обсуждать. По такому виду проектов Градостроительный кодекс публичных слушаний не предусматривает. А тут без выставки проектных предложений и дискуссий вокруг них все равно не обойтись — не тот случай.

НЕ УВЕКОВЕЧИТЬ ЛИ КОЗЛЕВИЧА?

Поводы для конфликтов уже назревают. У архитектора-реставратора Льва Кожевникова есть идея заменить на площади у Ярославля-Главного ничем не примечательный фонтан часовней во имя святителя Николая Чудотворца, небесного покровителя торгового люда и всех путешественников. Трудно что-то возразить против любимого святого ярославских купцов! К тому же в заявке все продумано и просчитано, от изразечного декора до каркаса из монолитного железобетона, от габаритов часовни до стоимости строительства и предположений, где деньги взять.

Проект, кажется, готов, его автор — воспитанник градостроительного колледжа Андрей Федоров. Но с альтернативой выступила и Северная железная дорога. Попросили включить в юбилейную программу заявку на один из первых в России памятников знаменитому отцу-родоначальнику дороги, абрамцевскому собирателю культурных сил, дерзкому предпринимателю Савве Мамонтову.

Тут готового проекта еще нет, зато яснее с деньгами — по данным редакции, инвестором намерен выступить сам заказчик. Что и говорить, сильный у подателей заявки, даже, быть может, и решающий аргумент. Хотя и самого-то человека-легенду Савву Мамонтова, доба-

вим от себя, независимо от денег, не стоило бы упускать из виду. Его личность и судьба достойны романа, ну а скульпторам выпал редкостный шанс заочно померяться силами с несравненным Саввой, первоклассным ваятелем, вылепившим портреты своих друзей Василия Поленова, Виктора Васнецова, Федора Шалапина и замечательный собственный автопортрет.

Железнодорожникам, прямо скажем, повезло в поисках героя. А чем не герой, например, тот самый, из «Мертвых душ», ярославский расторопный мужичок, что снарядил Русь-тройку (идею «застолбила» за собой Елена Пасхина). Это он строил без чертежей в старом посаде красавицы-храмы, служил в петровских ракетных мастерских фейерверкером. Это он, «гость государевой сотни», бил сноровкой конкурентов на великих торговых путях.

Героя на все времена подкасал Гоголь! А незабвенный Адам Козлевич со своей «Антилопой-гну» из «Золотого теленка» Ильфа и Петрова? Его прототипа, первого ярославского

бронзы готовой модели на языке рыночной экономики выйдет до слез просто: литье в этом дефицитном материале тает на 35 долларов США... за 1 килограмм. Любая ростовая фигура выступает в столь солидной весовой категории, что летаргическое раздумье заказчиков о том, где эти большие доллары достать, чуть ли не на пять лет растянется.

А интересно, на какие деньги некогда ставили в Москве опекушинского Пушкина? Тогда считалось, что у казны много более важных забот. Поэтому храмы и памятники, даже царям, заказывали всем миром. Основные взносы — людей состоятельных, с малоимущих — кто сколько может. Вскладчину в свое время воздвигало ярославское городское сообщество и Демидовский столп, теперь восстановленный, но уже на деньги налогоплательщиков.

В правительственной программе для юбилейного Ярославля первостепенные затраты — на расселение ветхого жилья, реставрацию храмов, спасение памятников гражданского зодчества, реконструкцию Московского проспекта («Северный край» об этом рассказывал). К слову, из общей суммы в 3 миллиарда рублей — министерские инвестиции по последней из названных статей расходов — всего 500 миллионов.

На титульный памятник тысячелетию, судя по всему, федеральных денег вообще не предусмотрено. Заказ ложится на городскую и областную казну. Само собой, зеленый свет — благотворителям. Денежки спонсорские, меценатские, да какие угодно, вряд ли польются рекой. Нужны не красивые заоблачные идеи — деловые предложения. В мэрии привели пример. Почему не обустроить спроектированный вчерне детский городок с «медвежатами» на площади Юности при участии городов, в чьих гербах есть медведь? Таковых двадцать — это же сила. Представьте: жили бы не тужили в детском городке Мишка череповецкий, Мишка пермский, и даже их иностранный собрат — берлинский.

Сами скульпторы могут рассказать, как по важным поводам вдохновляют людей их профессии на большие дела где-нибудь в Германии. Те, кто принимает решения, приглашают под целевой заказ мастеров на симпозиум. Оговаривают сроки исполнения, обеспечивают скульпторов материалами, вообще создают условия для работы. Созданное в этой «артельной» студии под открытым небом поступает в дар городу.

У нас найдется, где использовать такой опыт — скажем, заказать ансамбль скульптур для Красного, бывшего Семеновского съезда, ведущего к причалам речного вокзала. Мост, украшенный ионическими колоннами, был открыт там в 1820 году. Тогда, в пору расцвета русской архитектурной классики, задуманное не было доведено до конца. Позже время от времени о том вспоминали.

В последний раз боковые пролеты освобождали от торговых лавок, расчищали в 1913 году. Но кроме нового мусора под аркадой пушкинских времен и раскошенного тротуара под ногами у пешеходов до сих пор ничего хорошего на Красном, то есть красивом, съезде так и не появилось.

Разве таким должно быть парадное крыльцо нашего любимого города с Волги-матушки? Заняться им тогда, будем думать, помешали Первая мировая война и все, что стряслось с Россией позже. А нам-то что мешает почтить город хотя бы к его главному дню рождения именным даром — довести до ума начатое предками?

Юлиан НАДЕЖДИН.